

UDC 94 (47) 084.3 (571)

«We Felt the Bitter Satisfaction of Our Shared Victory»: the Theme and Images of the ‘Great War’ in the Official and Pro-government Periodical Press of the White Siberia (June 1918 – December 1919)

Dmitry N. Shevelev

Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
Dr. (History), Associate Professor
E-mail: shev-dn@yandex.ru

Abstract. The article, using the data of official and pro-government periodical press, issued in the east of Russia since summer of 1918 to 1919, considers the propaganda, made by the Omsk government out of the recollections of the First World War. The author came to the conclusion that *the whole set* of propaganda texts, presented in numerous declarations, booklets, newspaper articles, interviews, reviews, notes and feuilletons should be considered as a specific narrative with own actualization contexts, representation composition and scenario. The political discourse of the White Siberia presented the First World War as a specific starting point, backbone, structuring the political space. Besides, the ‘Great War’ played the significant role in the construction of the new political identity, based on the national, sovereign and patriotic values and the memory of the former glories of Russia.

Keywords: the First World War; Civil War; anti-Bolsheviks movement; propaganda; official periodical press political discourse.

Введение. Гражданская война в России – явление сложное и многоуровневое. В ее основе лежал конфликт мировоззрений, что придавало борьбе особенно ожесточенный и бескомпромиссный характер. «Красные» и «белые» олицетворяли собой альтернативные представления о будущем российского общества. Ценностная основа антибольшевистского движения была эклектична, сочетая в себе либеральные и консервативные элементы. «Разрушающему воздействию большевистской идеологии», основанной на лозунгах «интернационал, коммунизм, государство – рабочий союз и диктатура пролетариата», лидеры белого движения постарались противопоставить свою систему ценностей, базовыми из которой являлись: «религия, нация, собственность, правовое государство и Учредительное собрание» [1].

В передовой статье первого номера газеты «Русское дело» ведущий идеолог и один из руководителей пропагандистского аппарата Омского правительства Н.В. Устрялов так охарактеризовал идейное противостояние «красных» и «белых»: «Вместо интернационала – нация. Вместо класса – Родина. Вместо коммунистической общины – правовое государство на основе национальной демократии. Вместо мертвой и принудительной религии механизма – живая жизнь в духе, в свободе. Вместо всеобщего принудительного уравнивания – иерархия ценностей. Вместо пролеткульта – культура. Вместо бесшабашного политического футуризма – чувство преемственности, традиции, сознания связи с прошлым, с настоящим» [2; 5 окт.]. Основной смысл произошедшего в лагере противников большевизма «пересмотра идеологии» Устрялов видел в том, что «он возвращает русскому народу Россию», отвергая революцию, носившую «принципиально антинациональный» характер.

Любая политическая пропаганда так или иначе обращается к историческому опыту, актуализируя, в зависимости от стоящих перед ней задач, триумфальные или травматические образы культурной памяти общества. Осведомительный аппарат Российского правительства адмирала А.В. Колчака не являлся исключением. Как писала одна из газет, «в прошлом Россия имела мудрых государей, блестящие военные подвиги, блестящую временами дипломатию» [3; 30 сент.]. Государственное возрождение России не мыслилось политическим руководством Белого Востока вне опоры на исторические традиции и героическое прошлое. Политическая публицистика официального направления апеллировала к таким судьбоносным для русского народа историческим событиям, как отдаленного прошлого (борьба с монголо-татарами, Смута начала XVII века, Отечественная война 1812 г.), так и относительно недавним: русско-японская и Первая мировая войны.

Усилиями официальной и проправительственной прессы запечатленный в памяти и зафиксированный в непосредственном жизненном опыте подвиг солдат и офицеров российской армии на полях сражений «Великой войны» политизируется, трансформируется в символ, прецедентное событие. Само участие России в войне, жертвы, которые принесла она на алтарь общей победы рассматривались как своеобразный символический капитал, особый ресурс, которым антибольшевистские силы могут воспользоваться в мобилизационных целях в настоящем.

Материалы и методы. Рассматривая характерную для политической пропаганды антибольшевистских правительств востока России практику репрезентации темы и образов Первой мировой войны, мы будем исходить из понимания того, что дискурс «конституирует общество и культуру» [4; с. 112], а «борьба на уровне дискурсов и изменяет, и воссоздает социальную реальность» [5; с. 26]. Для наших дальнейших рассуждений наиболее значимы два механизма дискурсивного конструирования социальной реальности. *Во-первых*, приписывая значение объектам, осуществляя их номинацию и категоризацию, дискурс структурирует и упорядочивает социальное пространство. «Социальные классификации, оперирующие главным образом... бинарными противопоставлениями: мужской – женский, высокий – низкий, сильный – слабый и т.п., организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир» [6; с. 83]. *Во-вторых*, проявляющаяся в дискурсе символическая власть, власть «именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто» [5; с. 84] формирует и социальную идентичность. «Идентичности принимаются, отвергаются и обсуждаются в дискурсивных процессах» [8; с. 91].

Основным источником для написания данной работы послужили материалы официальной и проправительственной периодической печати (газеты «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник», «Русская армия», «Русское дело», «Наша газета», «Сибирская речь», «Свободная Сибирь», «Русский голос» и ряд других), выходившей на территории, подконтрольной Временному Сибирскому, Временному Всероссийскому и Российскому адмирала А.В. Колчака правительствам с лета 1918 по конец 1919 г. Автором были отобраны и проанализированы примерно 140 воззваний, брошюр, газетных статей, интервью, очерков, заметок и фельетонов в которых так или иначе затрагивалась тема «Великой войны». По мнению автора периодические издания примерно одной политической направленности (в данном случае – «либерально-консервативной» или «национально-государственнической») образуют единое смысловое поле, общее дискурсивное пространство.

При изучении выбранных текстов использовались элементы дискурс-аналитической исследовательской процедуры, разработанной Э. Лакло, Ш. Муфф, Т.А. ван Дейком и Р. Водак [8]. «Великая война» рассматривается одновременно и как один из «мифов», организующих политическое пространство Белого Востока, и как ключевой знак, формирующий национальную (и наднациональную) идентичность.

Обсуждение. Объектом исследования является политическая коммуникация Белого Востока. При этом основным субъектом коммуникации выступают антибольшевистские политические режимы, сформировавшиеся на территории Сибири в период Гражданской войны. Предмет исследования находится на пересечении трех тематических областей: истории Первой мировой и Гражданской войн, а также политической лингвистики, занимающейся изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием. Каждая из этих предметных сфер обладает сложившимися исследовательскими традициями и подходами, однако в таком ракурсе научная проблема ранее не формулировалась.

Результаты. Тема Первой мировой войны, связанные с ней образы широко представлены на страницах периодических изданий, выходивших на востоке России со второй половины 1918 до конца 1919 г. В прессе тех лет не сформировалось устойчивого определения для обозначения событий 1914 – 1918 гг. Использовались названия «великая война», «великая война народов», «мировая война», «война народов», «европейская война», «германская война», «нынешняя война», «война 1914–1918 гг.» и даже «великая германо-франко-русская война». В декларации Российского правительства адмирала А.В. Колчака от 7 декабря 1918 г. Первая мировая война обозначена как «четырёхлетняя война против германской коалиции» [9; 10 дек.].

Эпитеты, применявшиеся в прессе для описания первого в истории вооруженного конфликта достигшего мирового масштаба: «кошмарные четыре года» [10; 17 окт.]; «бесчисленные кровавые жертвы» [9; 10 дек.]; «кошмар человечества, море крови» [11; 3 янв.]; «кровавые ужасы беспрецедентной по жестокости войны» [12; 14 янв.]; «неслыханная война» [11; 4 (17) янв.]; «четырёхлетний кровавый кошмар» и множество других, выражают всеохватность, продолжительность, беспрецедентную жестокость и бесчеловечность «Великой войны».

Анализ официальных и проправительственных периодических изданий позволяет выявить несколько контекстов, в рамках которых актуализировались тема и образы Первой мировой войны. Эти контексты можно объединить тематически:

- Вызванная началом Гражданской войны вербовка добровольцев в Сибирскую армию, а затем мобилизация.
- Возвращение военнопленных.
- Биографии военачальников белого движения.
- Обсуждение полученного в ходе мирового конфликта нового военного опыта, в том числе применения конницы, артиллерии, авиации, танков и т.д.
- Национальные и государственные ценности возрождающейся России.
- Армия как символ возрождающейся России, преемственность «старой» и «молодой» армии.

- Взаимоотношения с бывшими союзниками России по Антанте.
- Взаимоотношения России с другими славянскими народами.
- Завершение Первой мировой войны и работа Парижской мирной конференции.

В периодической печати официального направления, а также в издававшихся на востоке России пропагандистских брошюрах сформировался свой сценарий репрезентации, определенная последовательность подачи материала, развертывания темы «Великой войны». В рамках этого сценария можно выделить несколько ключевых сюжетов:

Подвиг. Мировая война стала для России тяжелейшим испытанием. Страна оказалась не готова к широкомасштабным и долговременным военным действиям. «Мы то били немцев с австрийцами, то, не имея снарядов и патронов, отступали, отбиваясь камнями и палками, как делали это в Галиции молодцы Новочеркасского полка и вольтыцы» [13; с. 4]. «Без снарядов, без оружия, голодная, временами неодетая, Русская армия совершала чудеса, пред которыми преклонялся весь мир» [14; 29 (15) окт.]. За годы войны Россия не раз, с огромными для себя потерями, спасала союзников. «Россия дала возможность сделать западный фронт непреодолимым... Россия ни разу не позволила германцам сосредоточить все свои силы на западе» [9; 29 нояб.]. Именно Россия вынесла на себе основную тяжесть «Великой войны».

Грехопадение. Понимая, что она проигрывает войну, Германия «сумела подло использовать революционные брожения масс в России, бросив в него и умело раздув пламя социальной вражды» [15; 12 нояб.]. Обессиленная Россия не выдержала. «Русский фронт распался вследствие истощения страны, принесшей непосильные жертвы. Яд революционной демагогии, так искусно использованный германской рукой, разложил стойкость и выносливость русских солдат» [9; 29 нояб.]. К власти в стране пришли подкупленные Германией «большевики-предатели», заключившие с ней Брестский мир. «Он опозорил всю Россию: нас всех назвали изменниками наши союзники, потому что мы их бросили в очень опасное время, оставили одних и отказались воевать» [13; с. 4].

Раскаяние и искупление. Брест-Литовский мирный договор стал несмыслаемым национальным позором. «Эта измена гнетет нас и отравляет чистоту нашей радости» [16; 17 (4) нояб.]. Страданиями, унижениями, многочисленными жертвами заплатила Россия за предательство. «Вся русская жизнь превратилась в Голгофу. Мы распяты за Россию, мы распяты за человечество. Наши потери – искупительные жертвы европейской и всемирной свободы» [11; 5 янв.]. Вина за это целиком и полностью лежит на большевиках. «Народная Россия, как известно, отвергла Брестский договор. Тем самым она осталась в отношении войны с Германией» [15; 3 июля]. «Мы, русские, с Германией никогда не мирились. Мы продолжали бороться, как могли, и если не активным, та пассивным сопротивлением помогали победе до конца» [9; 29 нояб.]. Подняв оружие против изменников, восстанавливая российскую государственность и армию, как воплощение нации, «государственно мыслящие» люди России искупают позор Бреста. «Мы вновь летом этого года (1918 – Д.Ш.) начали войну с центральными державами и с того времени сделали все, что могли» [16; 17 (4) нояб.].

Воздаяние. Антибольшевистские силы с восторгом встретили окончание «Великой войны». «Пережив величайшие несчастья, испив до дна чашу унижения, мы все же чувствуем в своих сердцах мощь многомиллионного народа и, хотя еще носим раны в груди, но как равные, как веерные и искренние союзники шлем поздравления братьям по оружию. Мы верим, что нас встретят те же объятия, что и в 1914 году, и никто из наших друзей не захочет вложить свои персты в наши раны» [17; 20 (7) нояб.]. Несмотря на преждевременный выход России из войны, ее нынешнее правительство и объединившаяся вокруг него «государственно мыслящая» общественность надеялись, что союзники учтут былые заслуги страны. «Разве можно допустить мысль, что уже забыты те жертвы, которые внесены были Россией в общее дело борьбы с насилием? Разве можно отрицать тот непреложный факт, что именно ее колоссальные жертвы, понесенные в течение первых трех лет войны, во имя верности принятым на себя союзным обязательствам, именно они обеспечили победоносный исход войны для держав согласия?» [15; 12 нояб.] В воздаяние заслуг, считали они, союзники пригласят Россию на Парижскую мирную конференцию, признают Российское правительство адмирала А.В. Колчака, окажут ему экономическую и военную помощь. «Конференция мира не будет праздником свободы и справедливости, если во время ликования освобожденных нашей кровью народов, она предоставит нам лишь право считать свои раны» [11; 5 янв.].

Таким образом, всю совокупность текстов о «Великой войне», имевших пропагандистскую направленность и представленных в многочисленных декларациях, брошюрах, газетных статьях, интервью, очерках, заметках и фельетонах следует рассматривать как особый нарратив со своими контекстами актуализации, композицией и сценарием репрезентации.

Можно говорить и о вполне определенных целевых аудиториях, для которой транслировались эти тексты:

- население подвластных антибольшевистским правительствам территорий;
- правительства, политические и общественные круги стран-союзниц России по Первой мировой войне;

• представители славянских народов (чехи, словаки, сербы, поляки, карпатороссы (русины)), оказавшиеся вовлеченными в российскую Гражданскую войну.

В ситуации разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции объединившимся вокруг Омского правительства антибольшевистским силам необходимы были новые формы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они». Основной задачей, решаемой пропагандистскими ведомствами Белого Востока, являлось формирование и консолидация «воображаемого сообщества», понимаемого как «русская национальная общность», подчинение его целям борьбы с большевизмом. Анализ периодической печати официального направления позволяет выделить несколько уровней формируемой национальной и наднациональной идентичности, конституирующую роль в которых играл нарратив о «Великой войне»:

- принадлежность к русским людям («Мы – русские»);
- принадлежность к сообществу славянских народов («Мы – братья-славяне»);
- принадлежность к сообществу «культурных европейских народов» («Мы – европейцы»).

Причем если первоначально отражающая правительственную точку зрения пресса стремилась укрепить веру в союзников, усилить чувство единения с западными демократиями, то к осени 1919 г., когда разочарование в союзниках достигает своего апогея, благополучная Европа все отчетливее противопоставлялась униженной и страдающей России.

В начале октября 1919 г. в «Нашей газете», издававшейся Русским бюро печати, была опубликована басня с характерным названием «Соседская благодарность». В форме аллегории в ней была представлена Первая мировая война. Когда на лес обрушился страшный Зверь, его обитатели заспорили о том как «смирить опасного соседа».

Да вдруг Медведь явился на совет.
 Все ну его просить: «Сосед!
 Ты – красота лесов: отвага, опыт, сила.
 Все за тобой!
 Нас, Миша, выручи – иди вперед на бой:
 Свою отвагу покажи,
 Врага на месте удержи.
 А мы его потом, не торопясь, по свойски
 Блокируем в лесу геройски.

Когда же Медведь одолел Зверя «благодарные соседи» о нем забыли:

Как только звери победили.
 Тотчас к дележке приступили.
 А перед тем сошлись потолковать,
 Кому что дать:
 Позвали даже крыс, Медведя лишь забыли,
 Что весь израненный лежал,
 Покинутый, голодный, слабый.
 И от берлоги утомленной лапой
 Волков нахальных отгонял [18; 7 окт.].

В такой ситуации «союзнической ориентации» стала противопоставляться «русская ориентация», общеевропейской наднациональной идентичности – «великая Россия в свободном славянстве». «Розовые очки, сквозь которые мы смотрели на союзников, сняты и, кажется, разбиты, – констатировала в начале ноября 1919 г. красноярская «Свободная Сибирь». – Много говорят о разных ориентациях и снова донкихотствуют из-за них. Для нас же понятно только одно – славянство. Мы – славяне, а все славяне в таком же положении, как и русские» [19; 4 нояб. (21 окт.)].

Заключение. Представленная в официальных декларациях и воззваниях, газетных статьях и фельетонах, брошюрах, листовках, политической публицистике правительственная пропаганда Белого Востока строилась на сочетании национально-державных и либерально-демократических компонентов, соединении традиционных устоев (сильное национальное государство, православие, армия) с опорой на культурную память о героическом прошлом русского народа с ценностями, привнесенными революцией (демократия, правовое государство, парламентаризм, политические свободы). В такой ситуации использование в пропагандистских целях темы и образов «Великой войны» было вполне объяснимо и закономерно.

Сложнее обстоит дело с определением результатов использования данной пропагандистской стратегии, ее эффективности.

Свою мобилизующую роль, особенно на начальном этапе Гражданской войны, она, безусловно, сыграла. Так один из влиятельных омских политиков Г.К. Гинс масштабность Гражданской войны напрямую связывал с непризнанием значительной частью населения России Брестского мира, который и «расколол страну на два не только непримиримых внутренне, но и разнородных по внешней ориентации лагеря». Унизительный для России договор, полагал он, «заставил тех, кто

желал спасти страну от столь откровенно созданного немецкого ига, обратиться к помощи Антанты» [20; с. 32].

Не следует забывать, что решающую роль в свержении советской власти на востоке России сыграл Чехословацкий корпус. «И не случайно, – писала осенью 1919 г. газета “Русская армия”, – пролилась на русской земле, на пустынных полях Сибири и Приволжья, благородная чешская кровь... В самую трудную пору жизни России представители чехословацкого народа оказали ей неоценимые услуги» [21; 29 окт.]. В течение второй половины 1918 – 1919 г. на территории Урала, Сибири и Поволжья формировались русско-чешские, русско-сербские, югославянские, польские, карпаторусские части для борьбы с «германо-большевизмом». В такой ситуации тема и образы «Великой войны» органично вплетались в развертывание идеологемы панславизма, что приносило определенные плоды. «В то время, как другие все еще торгуются, все еще решают вопрос, – что для них выгоднее: признать или не признать, или, быть может, “самоопределить” Россию на клочья, героический сербский народ, – один среди всех, признал только одну, единую Россию и это свое признание теперь иллюстрируют реальной, недвусмысленной помощью» [19; 11 нояб. (29 окт.)]. Так прокомментировала прибытие на юг России, в армию генерала А.И. Деникина, офицеров сербской армии красноярская «Свободная Сибирь».

Однако расчеты антибольшевистских сил на признание заслуг России бывшими союзниками по Четвертому согласию не оправдались. Претендовавшее на роль всероссийского правительство адмирала А.В. Колчака не было приглашено для участия в Парижской мирной конференции. Кроме того не состоялось и его признание странами Антанты. «Мы с чрезвычайной болью переживаем наши страданные дни. Мы испытали радость поражения Германии. Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы» [11; 4 (17) янв.], – такими словами одной из сибирских газет можно подвести итог сложившегося для Российского правительства адмирала А.В. Колчака положения.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 61. Л. 54.
2. Русское дело (Омск). 1919.
3. Наша газета (Омск). 1919.
4. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
5. Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
6. Бурдые П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007.
7. Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.
8. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997; Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008; Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009.
9. Правительственный вестник (Омск). 1918.
10. Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918.
11. Сибирская речь (Омск). 1919.
12. Правительственный вестник (Омск). 1919.
13. Зачем немец большевика выдумал. Новониколаевск, 1919.
14. Русский голос (Томск). 1919.
15. Заря (Омск). 1918.
16. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918.
17. Отечественные ведомости (Уфа – Екатеринбург). 1918.
18. Наша газета (Новониколаевск). 1919.
19. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919.
20. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. М., 2009. 672 с.
21. Русская армия (Омск). 1919.

References:

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-341. Op. 1. D. 61. L. 54.
2. Russkoje delo (Omsk). 1919.
3. Nasha gazeta (Omsk). 1919.
4. Dejk T.A. van. Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke b kommunikacii. M., 2013.
5. Jorgensen M., Fillips L. Diskurs-analiz. Teorija I metod. Char'kov, 2008.
6. Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva. M., SPb., 2007.
7. Brubejker R. Etnichnost' bez grupp. M., 2012.
8. Vodak R. Jazyk. Diskurs. Politika. Volgograd, 1997; Dejk T.A. van. Jazyk. Poznaniye. Kommunikacija. M., 1989; Jorgensen M., Fillips L. Diskurs-analiz. Teorija I metod. Char'kov, 2008; Ticher S., Mejer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza teksta I diskursa. Char'kov, 2009.

9. Pravitelstvennyj vestnik (Omsk). 1918.
10. Vestnik Vremennogo Vserossijskogo pravitel'stva (Omsk). 1918.
11. Sibirskaja rech (Omsk). 1919.
12. Pravitelstvennyj vestnik (Omsk). 1919.
13. Zachem nemets bol'shevika vydumal. Novonikolaevsk, 1919.
14. Russkij golos (Tomsk). 1919.
15. Zarja (Omsk). 1918.
16. Svobodnaja Sibir' (Krasnojarsk). 1918.
17. Otechestvennyye vedomosti (Ufa – Ekaterinburg). 1918.
18. Nasha gazeta (Novonikolaevsk). 1919.
19. Svobodnaja Sibir' (Krasnojarsk). 1919.
20. Gins G.K. Sibir', sojuzniki i Kolchak. Povоротnyj moment russkoj istorii. 1918–1920 gg. M., 2009.
21. Russkaja armija Русская армия (Omsk). 1919.

УДК 94 (47) 084.3 (571)

**«Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»:
тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной
периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.)**

Дмитрий Николаевич Шевелев

Томский государственный университет, Российская Федерация
634650, Томская область, г. Томск, проспект Ленина, 36
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: shev-dn@yandex.ru

Аннотация. В статье, на основе материалов официальной и проправительственной периодической печати, выходявшей на востоке России с лета 1918 до конца 1919 г., рассматривается использование Омским правительством в пропагандистских целях памяти о Первой мировой войны. Автор приходит к заключению о том, что *всю совокупность* текстов о «Великой войне», имевших пропагандистскую направленность и представленных в многочисленных декларациях, брошюрах, газетных статьях, интервью, очерках, заметках и фельетонах следует рассматривать как особый нарратив со своими контекстами актуализации, композицией и сценарием репрезентации. В политическом дискурсе белой Сибири Первая мировая война выступала в роли своеобразной точки отсчета, узлового знака, структурировавшего политическое пространство. Кроме того, «Великая война» играла значимую роль в конструировании новой политической идентичности, базирующейся на национальных, державных и патриотических ценностях, а также памяти о былом величии России.

Ключевые слова: Первая мировая война; Гражданская война; антибольшевистское движение; пропаганда; официальная периодическая печать; политический дискурс.